

ЧЕЛОВЕК СКВОЗЬ ПРИЗМУ КУЛИНАРНОГО КОДА КУЛЬТУРЫ

Статья посвящена лингвокультурологическому описанию образных слов и выражений с кулинарной семантикой. Рассматриваются кулинарные образы, участвующие в процессах моделирования и характеристики различных сфер жизнедеятельности человека: физиологической, эмоциональной, нравственной, ментально-речевой, социальной. Проведенное исследование позволяет представить взгляд на человека сквозь призму кулинарного кода культуры.

Ключевые слова: кулинарный код культуры; образная лексика; языковой образ человека.

Образные средства языка реализуют в своей семантике уподобление различных объектов окружающего мира по принципу аналогии [1–4]. В качестве основания образной характеристики, как правило, закрепляются явления, относящиеся к материальной сфере, доступной чувственному восприятию. Пища является одним из самых важных и древних компонентов материальной культуры, выступая необходимым условием существования человека. Кулинарные традиции, формирующиеся на протяжении длительного времени, дают богатый материал для анализа мифологических, религиозных представлений нации, социально-исторического, духовно-нравственного и бытового жизненного опыта народа [5–7]. По мнению многих исследователей, пищевой код культуры является одним из базовых, а концептуальная сфера «ЕДА» служит богатым источником метафорической интерпретации различных сфер действительности, средством метафорической характеристики человека и его свойств [7–9 и др.]. В данной статье рассматривается роль кулинарных образов в выражении представлений о человеке в русском языке.

Система исходных кулинарных образов служит культурным кодом, посредством которого характеризуется, осмысливается и оценивается национально-культурной общностью человек. Анализ языкового материала, собранного по данным словарей русского языка [10–12] и «Национального корпуса русского языка» [13], позволяет представить образ человека в его внешних проявлениях, а также дает возможность смоделировать эмоциональную, ментальную, речевую, интеллектуальную, социальную сферу жизни человека.

Как и всякий материальный объект, человек обладает рядом физических характеристик. Лексические единицы фиксируют впечатления от восприятия внешности человека на основе уподобления физическим характеристикам предметов и процессов, составляющих концептуальную сферу «Еда». Образные номинации запечатлевают наиболее характерные особенности внешности; способствуют выражению оценки эстетической привлекательности или непривлекательности облика человека; передают эмоциональное впечатление, полученное от созерцания внешности.

Положительная эмоциональная оценка внешности женщины запечатлена в значении образных единиц **конфетка** 'привлекательная, притягивающая взгляд', **аппетитная** 'вызывающая желание получить внешне привлекательный объект' (*На что только не идут женщины, чтобы придать своей груди более аппетитные формы!* Милованов).

Как отмечает В.М. Богуславский, признак умеренной зрелой полноты входит в число эталонных представле-

ний о внешности женщин и детей [14. С. 78], что нашло отражение в образном именовании **пышка**, **пампушка**, **пончик** (*В школе Петера звали «пончиком» за его мягкость и незлобивость.* Рудольф). Излишняя полнота фигуры ассоциируется с образом **туши** 'о большом и тучном человеке', **сосиски** 'о чем-либо, чаще пальцах, формой напоминающем продолговатую пухлую форму сосиски' (*Эльфрида погрозила Иоганну толстым, похожим на молочную сосиску пальцем.* Кожевников). Представления о бесформенном расплывающемся месиве, вызывающем отрицательные эстетические коннотации, становятся основой формирования образа полного, малоподвижного, расплывшегося, подобно **квашине**, человека (*Расползлась как квашня, никто на тебя и взглянуть не захочет, вот ты перед ним и пляшешь.* Петрушевская).

Широко представлены кулинарные образы в описании отдельных деталей внешности человека. Так, для оценки фигуры женщины, имеющей очень тонкую талию, используются образные языковые единицы **рюмочка / как рюмочка / рюмочкой** (*Гляди, какие рюмочки фигуристые танцуют!* Мамедов).

Образные средства языка фиксируют отклонения от принятой эстетической и параметрической нормы (по признакам формы и величины) в оценке деталей внешности человека. Так, слишком большая голова ассоциируется с тыквой: **как тыква**. Плоское лицо не соответствует национальному образу внешности, что находит свое выражение в образе блина: **блинообразное** (Во всем его облике угадывалось что-то чужое, нездешнее: маленькие, чуть раскосые глаза терялись на широком **блинообразном** лице. Костяев). Образные единицы **грушевидный**, **картошкой**, **морковкой**, **мясистый** реализуют представление о неправильной форме и величине носа по отношению к эталонным параметрам, сложившимся в русском национальном образе внешности (прямой нос, средней величины).

В основе эстетических оценок глаз человека лежат форма, степень открытости, форма разреза век, цвет. Так, например, необычность разреза глаз, придающая им выразительность и вызывающая положительные эстетические оценки, образно ассоциируется с формой миндаля, сливы: **миндалевидный**, **сливовый**, а черный насыщенный цвет глаз уподобляется экзотическим **маслинам** (*Это был молодой человек с лицом в обыкновенное время смуглым, но теперь таким бледным, что черные блестящие глаза казались на фоне этого лица двумя маслинами в куске сливочного масла.* Аверченко).

Языковой портрет человека, созданный на базе кулинарных образов, запечатлевает и такие детали внешности, как подбородок, щеки, прическа. Форма подбородка образно связывается со стопкой блинов: **блинчатый** (*Там стояла невысокая тяжеловесная женщи-*

на с тройным **блинчатым** подбородком... Дудинцев) или с раздвоенной формой помидора: **как помидор** (Как сейчас вижу сердитое лицо моего старшего товарища и друга Сергея Ингулова, здоровое, цвета сырого мяса, с раздвоенным, как помидор, подбородком. Катаев). Неприятные тактильные ощущения от соприкосновения с небритой кожей щек ассоциируются с острыми краями поверхности терки: **как терка**. Особенности прически, форма стрижки или укладки волос находят свое выражение через использование образных средств: **под горшок остричь, калачиком, колбаской** (А что не так, если она всю жизнь проносила одну и ту же косу, свёрнутую колбаской на шею. Улицкая).

Представления о качестве, состоянии, цвете кожи образно характеризуются в языке через физические свойства продуктов питания: **мучнистый** 'о коже, имеющей блеклый вид, как будто содержащем в своем составе муку', **как яичная скорлупа** 'о светлой коже с матовым оттенком', **апельсиновая корка** 'о неровной поверхности кожи, подобной поверхности кожуры апельсина' (Так медики называют подкожные жировые отложения, которые делают кожу некрасивой (эффект апельсиновой корки). Воронова).

Кулинарные метафоры фиксируют представления о возрасте, здоровье, физическом и эмоциональном состоянии человека. Так, например, образное слово **калачиком** (согнуть) 'принять положение тела, наподобие калачика, сильно согнув тело в пояснице' используется для характеристики внешности и физического состояния в период старости (Глебов любил эту маленькую, калачиком гнутую старушонку с седым впрожельть, аккуратным пучочком на затылке... Трифонов). Особенности формы, размера и внешнего строения съедобного гриба сморчка (гриб со сморщенной шляпкой) становятся основанием образного наименования маленького, малосильного человека или человека преклонного возраста с дряблой, морщинистой кожей: **сморчок** (В зал вошел старикашка, маленький, подпрыгивающий на каждом шагу, похожий на сморчок. Донцова).

Состояние сильной усталости, недомогания, вялости ассоциируется с процессами, происходящими в пище при ее обработке (становится мягкой, рыхлой, теряет упругость, изменяется первоначальная структура): **вареный, разваривать, сварился, расквашенный, кваситься**. В значениях образных единиц **пьяный** 'о состоянии сильной усталости / головокружения', **рассолодеть** 'находиться в расслабленном или полусонном состоянии' реализовано ассоциативное сопоставление физической слабости и состояния после принятия алкогольных или содержащих дрожжи напитков. (Она только что проснулась и стояла **рассолодевшая, тёплая, растрёпанная**... Домбровский).

В основу образных единиц, передающих психоэмоциональное состояние человека, испытывающего недовольство чем-либо, огорчение, подавленность, уныние, скуку, легли вкусовые ощущения от кислых продуктов: **киснуть, скиснуть, прокиснуть, кислый, есть лимон без сахара**. Эмоциональное безразличие, отсутствие интереса к жизни находят свое выражение через уподобление безвкусной, постной пище: **постное** (лицо), **пресное** (состояние) (От этого нельзя избавиться, когда человек перестает мечтать, он стано-

вится сухим и пресным занудой. Маринина). Состояние эмоционального возбуждения метафорически переосмысливается в образных единицах с **упоением** 'с чувством заполнившим кого-либо, подобно ощущению утоления жажды', **пожирать глазами** 'в возбуждении, не отрываясь смотреть на кого/что-нибудь' (**Пожирая лужающего человека глазами, Андрей всё более удивлялся и восхищался**. Азольский). Яркие оттенки красного цвета, который приобретает кожа человека в состоянии сильного волнения, образно ассоциируются с цветом продуктов питания **брусничным, свекольным, как вареный рак, как свекла** (В щеки ему снова брызнул брусничным цвет, означавший, что кусок синего льда под сердцем растаял, и деятельная, насыщенная адреналином кровь снова питала неутомимый на выдумки ум. Проханов).

Неприятное чувство, оставшееся после беседы или известия, образно уподобляется **осадку** от выпитой жидкости, оставшемуся на дне чашки, обыкновенно имеющему неприятный вид (Он возвращается домой смирившийся, но с **осадком** – вечер, настроенный на Алевтину, потерян. Маканин).

Явления из гастрономической сферы задействованы в образной номинации особенностей мыслительной деятельности. Интеллектуальная работа, в процессе которой субъект занимает активную позицию, осмысливает, перерабатывает, интерпретирует полученную информацию, уподобляется процессу приготовления пищи: **голова варит** 'хорошо соображает, как бы участвует в процессе варки', **несварение мозгов** 'о неспособности кого-либо, продуктивно мыслить'. Представление о том, что хороший мыслительный процесс связан с концентрацией внимания ассоциативно связывается с процессом превращения кисломолочной массы в творог: **створожить** (Оказавшись на улице, я растерянно оглянулась по сторонам... попыталась **створожить** свои мысли. Донцова).

Представление о голове как вместилище ума, как некотором сосуде, где происходит мыслительный процесс – «варятся» идеи, ассоциируется с образами кухонных принадлежностей: **котелок варит, голова как котелок, голова (горячая) как чайник**. Образ решета – емкость для просеивания муки, которая в силу своего строения, функциональной принадлежности не может надолго задерживать вещества внутри себя – ассоциативно связывается с представлением о человеке, не способном удерживать информацию в голове, имеющем плохую память: **голова как решето** (Вот старая голова, как решето, ничего не держит. Короленко).

Процесс познания ассоциируется с процессом поглощения пищи: **раскусить** 'разунуть, разгадать кого/что-нибудь, словно раскусив, проникнуть внутрь', **щелкать как орешки** 'выполнять какую-нибудь работу, так же легко как щелкать мелкие орехи' (Задачи по физике и тригонометрии и длинные примеры по алгебре она **щелкает как орешки**. Маринина). Невнимательное, быстрое чтение ассоциируется с нежеланием тщательно пережевывать пищу, что противоречит нормальному процессу поглощения пищи: (книги) **глотать** (Глотал книги пачками, только чтобы отъехать от действительности. Баконина).

Процесс получения новых сведений, при котором субъект, получающий информацию, занимает пассив-

ную позицию, уподобляется процессу приготовления продуктов питания, связанному с наполнением какой-либо основы подготовленным фаршем: **нашипгованный, напичканный** (*И здесь перед нами, с одной стороны, изображенный не без иронии homo soveticus, напичканный идеологическими, газетными, телевизионными клише советской эпохи...* Кулагин).

Продукты интеллектуальной деятельности человека получили оценку в метафорах **стряпня, крошка, шелуха**. Так, в образе крошки – блюда, приготовленного из многочисленных разнообразных смешанных между собой ингредиентов – запечатлено представление о чем-либо искусственно соединенном, недостаточно продуманном (*Содержание альманаха напоминало крошку: были и слегка подтухший квас, и крутые яйца, и свежие огурцы*. Климонтович). Ложность выбранных жизненных ориентиров соотносится с образом **шелухи** 'о чем-либо, не имеющем ценности' (*Наука, успехи, истина, открытия – всё, что так занимало, что, казалось, составляло смысл жизни, – всё растаяло, рассыпалось ненужной шелухой*. Гранин).

Достаточно широко представлена лексика, образно характеризующая речь человека. Нечленораздельность, невнятность речи, получающие отрицательную оценку, ассоциативно связываются с образом каши: **каша во рту** и процессуальным образом поглощения пищи: **глотать** (слова) (*Он глотал окончания слов, и, чтобы понять его, приходилось слушать с большим напряжением*. Корнешов). Представления о говорящем много и бессмысленно человеку уподобляются монотонным действиям, связанным с обработкой зерна: **молот, молотить языком** (*Ты будешь в дальнейшем молот всякую чушь? – грозно спросил Фагот у плачущей головы*. Булгаков). Эмоциональное состояние человека, недовольство, раздражительность, проявляющиеся в способе произнесения слов (сквозь зубы, сдерживая эмоции), образно соотносятся с процессом процеживания жидкости: **процедить** (*Мой брат побледнел от оскорбления, потом покраснел, но сдержался и, ещё сильнее стиснув зубы, процедил, с ненавистью глядя на меня: – Хорошо*. Катаев). Образные единицы, возникшие на основе метафорической номинации качества речи, по аналогии с образом сладкого блюда – **сахарный, медовый, мармеладный, сиропный** – передают отрицательную оценку не только самой речи, но и качеств характера, особенностей поведения человека (*Рыжий, похожий на лисицу человек, не смущаясь резким тоном Клинова, заулыбался, завертелся и, изгибаясь хребтом, сказал медовым голосом: – О, конечно! Я понимаю, Господи! Улетучусь как дым*. Аверченко). В метафорах **сочный, смачный** зафиксировано представление о выразительной, яркой речи на основе уподобления высокому вкусовому качеству продукта (*Если делалось это в спешке или не в подобающем рабочем настроении (а настроение в таких случаях вряд ли может быть хорошим) – на место сочного слова приходило случайное, бледное, а главное – сплошь и рядом ломался ритм*. Мильчин). Остроумная, но грубоватая, не совсем пристойная манера говорить ассоциируется с образом соли, соленой пищи: **соленый** (*Ох и посмеялся Хрущев над американскими политиками! Власть, с злым соленым юмором, как он умел*. Скопина).

Кулинарные образы задействованы при описании черт характера и нравственных качеств человека. Представления о безынициативном и слабовольном человеке уподобляются продуктам питания, имеющим жидкую консистенцию: **тюря, размазня, кисель**; характеризующимся отсутствием четкой структуры, формы: **квашня, студень, лапша лапшой** (*Странный у нее все-таки характер: то вроде бы вполне самостоятельный человек, а то лапша лапшой!* Моспан).

С образами сухого хлеба – **сухарь, черствый** – ассоциируется представление о человеке, лишенном эмоций и сопереживания, способности радоваться жизни, а значит, с ним трудно общаться, подобно тому как сухой хлеб трудно раскусить и проглотить (*Твой Вадим – сухарь, скучный вояка, у которого все по часам и минутам расписано*. Маринина).

Национальная психология, этические и моральные установки народа в оценке качеств характера и поведения человека отражены в образных единицах, зафиксировавших представление о человеке жестоким: **кровапийца, людоед**, жадном: **мироед**, подлом **выкормыш**; подхалиме **лизун, лизоблюд, подлиза, прихлебатель**. Образные слова, моделируя межличностные отношения, фиксируют и такие особенности поведения человека в обществе, как вранье: **вешать лапшу на уши**; необязательность: **кормить завтраками**. Посредством кулинарных образов выражается представление об иждивенчестве, желании жить за чужой счет: **дармоедничать, дармоед, нахлебник, пенкосниматель, поживиться от общего пирога**. Положительно оценивается радушие и щедрость, что отразилось в употреблении образа хлеба и соли, как символов гостеприимства: **хлебосол, хлебосольный**.

Межличностные отношения (родственные и социальные) – одна из важных сфер жизни человека. Человек – общественное существо, и семья – это первая ступень идентификации себя среди людей, причисления себя к группе по родственному признаку. В кулинарных образах отразились представления об утрате или ослаблении близко родственных отношений, что проявляется в выборе образного основания уподобления – разрушение целостности, вкусовых качеств продуктов, составляющих основу питания русского человека: образ разбавленного до неузнаваемости киселя: **седьмая вода на киселе**; образ отрезанного куска хлеба: **отрезанный ломоть** (*Оля дальняя родственница Кати, настолько седьмая вода на киселе, что никто точно не сумеет сказать, кем женщины приходятся друг другу*. Донцова).

Процесс узнавания другого человека и оценки его личностных качеств, требующий длительного знакомства, проникновения во внутренний мир человека, ассоциативно связывается с процессом очистки яйца от скорлупы: **знать как облупленного**. Представление о том, что совместная трапеза сближает людей, лежит в основе образных единиц **кашу не сварить, пуд соли съесть, из общего котла**.

Межличностные отношения переосмысливаются в образах поглощения пищи: **поедом съедать** 'изводить по-прёками, бранью', **съесть с потрохами** 'лишить кого-либо имущества, должности, жизни', **бросить на съедение** 'отдать в полную власть кому-либо, дав возможность распоряжаться кем/чем-либо', **уесть** 'уязвить,

уколоть каким-либо замечанием', *взвесься* 'в раздражении начать укорять, бранить сильно' (*А потом они с Антоном кой-чего не поделили, и Антон его с потрохами скушал, по миру пустил.* Белоусова).

Использование образов приготовления пищи в процессе переосмысления межличностных отношений, демонстрирует сложную природу взаимоотношений людей. Так представление о том, что без взятки дело не сдвинется с места, ассоциируется с процессом добавления масла для улучшения качества пищи: *подмаслить* (*Значит, нужно подмаслить слишком многих в правительстве, чтобы получить положительное заключение.* Гук). Если кашу маслом не испортишь, то при избыточном количестве соли или перца пища становится непригодной для потребления. Образное уподобление межличностных отношений, состоящих в желании доставить кому-нибудь неприятность, процессу пересаливания пищи нашло свое выражение в значении метафор *насолить, подсолить*. Присутствие перца в пище, делающее ее острой, ассоциируется с остротой, эмоциональной напряженностью в отношениях между людьми: *задавать перцу* 'наказывать, бранить кого-нибудь, давая почувствовать свою силу, власть и т.д.' (*Он, белокурая бестия, просто по определению должен был задать перцу вот этому черненькому сморчку...* Лазарчук).

Народные представления о социальном положении человека, уровне его жизни, выражающиеся в оппозициях «сытость – голод», «изобилие – нужда», «бедность – богатство», напрямую связаны с изобилием пищи. Ощущение недостатка ассоциируется с наполненным сосудом для питья: *полная чаша* (*Зачем марты-*

ся? Зачем рисковать и потом нервничать и бояться, когда дом и без того – полная чаша? Маринина).

В образах сладкого выражается радость и довольство, представление о привольной жизни: *сладкая жизнь, не жизнь, а малина* (*Господи, да это же не жизнь, а малина со сливками.* Троицкий).

Тяжелые, мучительные испытания в жизни уподобляются процессу питья чего-либо горького, неприятного: *испить (горькую) чашу, хлебнуть (горя)* (*Ничего, вы у меня тут... хлебнете, это я вам обещаю!* Фрай).

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить о том, что кулинарная лексика активно задействована в качестве источника образных наименований и образных характеристик человека и его свойств. В создании языкового образа человека участвуют образные кулинарные единицы русского языка, системой своих значений отражающие комплексный сценарий приготовления и поглощения пищи.

Взгляд на человека сквозь призму кулинарного кода культуры дает возможность представить целостный языковой образ человека, что проявляется в использовании кулинарных образов для моделирования различных сфер жизнедеятельности человека: физиологической, эмоциональной, нравственной, ментально-речевой, социальной.

Активность вовлечения кулинарной образной лексики в процессы метафорического моделирования антропосферы демонстрирует ценностную значимость гастрономической сферы в обыденной жизни людей, а также высокую культурологическую значимость кулинарного кода культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баранов А.Н. Очерк когнитивной теории метафоры // Баранов А.Н., Караулов Ю.Н. Русская политическая метафора: Материалы к словарю. М.: Ин-т рус. яз., 1991. С. 185–189.
2. Резанова З.И. Концептуальные метафорические модели «человек это мир» и «мир это человек»: к проблеме обратимости (на материале сибирских русских народных говоров) // Актуальные проблемы русистики. Вып. 3: Языковые аспекты регионального существования человека: Материалы междунар. науч. конф., посвященной юбилею академика МАН ВШ, д-ра филол. наук., проф. О.И. Блиновой. Томск: ТГУ, 2006. С. 287–295.
3. Юрина Е.А. Образный строй языка. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2005. 156 с.
4. Пименова М.В. Коды культуры и принципы концептуализации мира // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке: Материалы Всерос. науч. конф., 14–16 апреля 2005 г. Екатеринбург, Россия / Под ред. Л.Г. Бабенко. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2005. С. 27–34.
5. Банкова Т.Б. Кулинарный код сибирских семейных обрядов: объективации в языке // Сибирский филологический журнал. 2008. № 4. С. 128–138.
6. Березович Е.Л. Язык и традиционная культура. М.: Индрик, 2007. 600 с.
7. Ковшова М.Л. Семантика и прагматика фразеологизмов (лингвокультурологический аспект): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. М., 2009. 48 с.
8. Капелюшник Е.В. «СЛАДКОЕ» в кулинарном коде культуры (на материале лексики образного семантического поля ЕДА/ПИЩА) // Язык – Текст – Дискурс: традиции и новации. Самара, 2009. С. 107–114.
9. Юрина Е.А. Лексико-фразеологическое поле кулинарных образов в русском и итальянском языках // Язык и культура. 2008. № 3. С. 83–93.
10. Блинова О.И., Юрина Е.А. Словарь образных слов русского языка. Томск: UFO-Plus, 2007. 364 с.
11. Большой фразеологический словарь русского языка. Значение. Употребление. Культурологический комментарий / Отв. ред. д-р филол. наук В.Н. Телия. М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. 784 с.
12. Словарь русского языка: В 4 т. / РАН, Ин-т лингвистических исследований / Под ред. А.П. Евгеньевой. 4-е изд., стереотип. М.: Рус. яз., Полиграфресурсы, 1999.
13. Национальный корпус русского языка. URL: <http://www.ruscorgo.ru>
14. Богуславский В.М. Словарь оценок внешности человека. М.: Космополис, 1994. 336 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 22 января 2011 г.